

Театр

С миру по актеру

ГАСТРОЛИ

Ольга СОЛОДОВА

Живой пример тенденции всеобщего единения — актеры со всех концов света, от Австралии и ЮАР до Восточной Европы, собрались под руководством российского режиссера Владимира Койфмана в столице Нидерландов. Поездив по миру, уже посетив четыре года назад Петербург, недавно Амстердамский камерный театр, являясь официальным участником российско-голландского фестиваля Петра Великого 1996—1997 годов, привез в Москву два спектакля.

Открылся этот небольшой многонациональный театр в 1992 году спектаклем по пьесе Жана Ануя "Оркестр". Постановка существует в репертуаре по сей день, и потому на маленькой сцене московского "Театра Луны" два вечера подряд жили ануевские оркестранты — шесть женщин и мужчина. Основными "декорациями" этого спектакля стали не предметы (в черной пустоте сцены режиссер и художник-постановщик Владимир Койфман поместил только семь стульев), а песни. Прекрасное исполнение а капелла шлягеров 60-х годов — от французских "Шербур-

ских зонтиков" до нашего "Черного кота" — не превращает спектакль в концерт, но четко выстраивает действие.

Вот заканчивается очередная песня, и курортный оркестрик распадается на пары. Маниренная и слегка истеричная Патриция (Татьяна Кузовкина) — запевала коллектива, специалист по кулинарным рецептам и жертва ухода за престарелой матерью, пребывает в вечной дискуссии-конфронтации с любвеобильной пышной Памелой (Фраука Флиеринга). Напоминающая одновременно куклу-копию Мэрилин Монро и Эллочку Людоедку Эрмелин (Софи Рутвен-Стюарт) восторженно внимает монологу похожей на манекенщицу Леоны (Аннемик Энгелен) о ее взаимоотношениях с любовником. Всплеск эмоций — словно сошедшая с киноэкрана 60-х (костюмы Натальи Конде) Сюзанна (Саския Елсма) пытается растормошить пугливого и нерешительного Леона (Берт Апельдорн). И между ними — пышногрудая мадам Ортанс (Пеппина Брауерс), при возможности выталикивающая единственного оркестранта-мужчину за дверь "для своих нужд".

Актеры играют на одной ноте. Но вот они встали со стульев, запели — получился оркестр. А песня закончилась — и вновь каждый сам по себе. Семь рыжих клоунов на арене-эстраде. Семь актеров, которые играют

современную обособленность отдельно взятого человека — ничего не вижу, ничего не слышу. Один вышел из круга (Сюзанна застрелилась), но ничто не меняется. Та же песня будет исполнена уже шестью исполнителями. Возможно, именно интернациональный актерский состав превратил "Оркестр" в маленькую модель нашего эгоистичного мира.

Вторым спектаклем московских гастролей Амстердамского камерного театра стал любопытный коллаж из пьес Чехова. "Человек, который хотел" — так называется эта новая пьеса с хорошо знакомыми чеховскими репликами. Поначалу зритель еще отмечает — Дама в красном (Фраука Флиеринга) говорит словами Аркадиной, Дама в желтом (Софи Рутвен-Стюарт) — Раневской, а Дама в черном (Татьяна Кузовкина) с папирской в длинном мундштуке, гармошкой на плече и неизменной рюмкой водки — некий симбиоз Маши из "Чайки" и Шарлотты из "Вишневого сада".

Но постепенно эти три старухи в инвалидных колясках, собравшиеся отметить свой день рождения, создают свою историю под руководством Писателя (Берт Апельдорн), который и Треплев, и Тригорин, и Вершинин в одном лице, но одновременно новый персонаж. Его кредо — сомнения да философия. И Дворецкий (Иштван Хецо) произносит репли-

Сцена из спектакля "Человек, который хотел"

ки Чебутыкина, Фирса, Дорна и прочих всегда к месту, как свои собственные. Перебранка "черемша-чехартма" между экзальтированной Желтой и язвительной Красной так же житейски объяснима, как и разговоры о здоровье словами Войницкого. Здесь и беседы о погоде, и знаменитое "о чем пофилософствуем", слитое с платоновскими терзаниями. Дамы ждут подарков, но Дворецкий приносит то юлу, то карты, то чайку, то "многоуважаемый шкаф", то часы. И каждый

такой сюрприз возвращает их в детство, в юность, где они разыгрывали пьесу Писателя "Люди, львы, орлы и куропатки". Все еще было впереди.

Пистолет, который Дворецкий несколько раз приносил Писателю, все же не выстрелил. Дамы получили подарки, а Дама в желтом — телеграмму из Парижа. Ожидание было безрезультатным? Как знать, может быть, в этом все и дело — надо жить, а не только ждать. Все равно ведь что-то случится. ●